

высшего образования в европейских странах // Высшее образование в Европе. – 1987. – Т. XII. – № 3. – С. 18–29.

**Л. И. Харченкова, И. В. Баранова,
М. Г. Дорофеева**

УДК 378.02:37.016

ИМАГОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ОСНОВА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На каждом историческом этапе система образования решает свои специфические задачи. Сегодня, в эпоху революционных преобразований в сфере политики, экономики, коммуникации перед отечественным образованием стоят новые задачи, связанные с обновлением содержания, принципов и методов обучения. Эта тенденция актуальна и для профессиональной подготовки современного специалиста гуманитарного профиля, где востребованным направлением по-прежнему остается подготовка в области межкультурной коммуникации [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Зарубежные и отечественные исследователи относят к группе ключевых компетенций, необходимых специалистам гуманитарных специальностей, межкультурную компетенцию, которую можно определить как комплекс ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей, позволяющих осуществлять успешное общение с

представителями другой культуры как в бытовом, так и в профессиональном контексте.

Цель статьи – в контексте актуальности межкультурной компетенции для студентов-филологов предложить новые аспекты ее формирования, вытекающие из имагологического содержания.

Новой гуманитарной дисциплиной, способствующей, на наш взгляд, формированию межкультурной компетентности у филологов, является наука, сложившаяся на Западе к 80-м гг. XX в., – имагология (англ. «image» – «образ»). Она изучает закрепленное в сознании народа и отраженное в художественных произведениях представление об ином народе, иной культуре, иной стране. Особенно актуализировано это представление о «другом» в художественных образах фольклора, литературы, кинематографа. Если говорить о словесном искусстве, то современные исследователи выделяют несколько видов имагологии – литературную, фольклорную и литературоведческую [7]. Не вызывает сомнения, что имагология как современная гуманитарная дисциплина имеет серьезный содержательный потенциал для профессиональной подготовки студентов различных гуманитарных специальностей, включая студентов-филологов.

Учебные предметы, связанные с изучением иностранных языков, русской, мировой и национальных литератур дают богатый материал для осмысления студентами-филологами как образа другого народа и его представителей в национальном представлении русских, так и образа русского человека в представлении иностранцев [8]. Хорошо разработанной представляется тема, связанная с образом немца в русском фольклоре и русской литературе [7; 9].

Базовым для имагологии является понятие этностереотипа. Как правило, представление об иностранце, складывающееся в оппозиции «свой – чужой», не претендует на объективность и нередко содержит не только положительную, но и отрицательную оценку. Это можно проследить на примере финского фольклора и литературы, отражающих пред-

ставление наших северных соседей о русском/советском человеке, о России/СССР как государстве. С начала 90-х годов XX века, когда наше государство стало открываться для мира, поток финнов на историческую территорию, которой они до 1944 года считали Карельский перешеек, был огромен. Ответно и в России возник острый интерес к соседнему государству: россияне открывали для себя Финляндию в качестве туристов, а потом – и обучающихся в этой стране. В учебных заведениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области образовывались кафедры, открывались курсы по изучению финского языка. Многие из этнических финнов, проживающих в России, уезжали по специальной программе на постоянное место жительства в Финляндию. Возросло количество межэтнических браков. Все это не могло не сказаться на изменении представлений финнов и русских друг о друге.

Образ России и русских встречается в финском фольклоре. В созданных в XVII–XVIII веках народных исторических песнях отражены образы русских царей – Ивана Грозного и Петра I. С одной стороны, народное сознание зафиксировало их как богатых, властителей мира, с другой – как опасных, коварных врагов. Надо отметить, что двойственное отношение к России и русским – либо терпимое и положительное, либо остро негативное – наблюдается на протяжении всей истории русско-финских отношений.

Периоды потепления и охлаждения, в первую очередь, определялись политикой, проводимой Российской империей на территории подвластного ей Великого княжества Финляндского, как называлась Финляндия с 1809 по 1917 гг., а в XX веке – общеевропейскими политическими процессами и событиями, происходившими в СССР и в современной России.

Не останавливаясь подробно на тех политических, экономических и социальных решениях, которые принимались русскими правителями в отношении Финляндии, отметим только весьма цивилизованную языковую политику, проводимую Россией на территории

Финляндии. Интересным примером служит тот факт, что, несмотря на формальное подчинение Финляндии России, государственными языками, на которых велось дело- и судопроизводство, были шведский и финский языки. Попытка сделать русский язык третьим государственным, предпринятая в начале XX века, обернулась резким неприятием такой «русификации» со стороны финской элиты.

При этом нужно отметить, что первые десятилетия своей независимости от Швеции языком, который обслуживал деловые отношения в Финляндии, был шведский. Не без усилий со стороны России была запущена «финская программа», в ходе реализации которой был создан финский литературный язык и впоследствии национальная финская литература, истоком которой служит опубликованный Э. Леннротом в 1835 году карело-финский эпос «Калевала».

Рассмотрим на нескольких примерах образ России и русского человека в представлении и оценке финнов.

Поэт, лингвист, ректор Императорского Александровского университета (сейчас Хельсинкского) Август Алквист отрицал положительное влияние русских на становление и развитие финской культуры. Являясь традиционалистом, Алквист видел несчастье страны в усилении внутрифинляндских разногласий и призывал к объединению на почве «антирусского национализма». Воспевая в своих стихах «славное прошлое» финского народа эпохи шведского господства, он утверждал, что именно шведы принесли в Финляндию цивилизацию, приобщили ее к европейской культуре. Во второй половине 50-х гг. Алквист публикует «Заметки о России», написанные по впечатлениям от поездок по многим крупным городам России, а также по Уралу и Сибири. Общий тон этих «путевых заметок» крайне недоброжелателен. «Алквист увидел в русском народе лишь темную, непросвещенную, тупую массу, в русском дворянстве – людей с развращенными нравами, а в русской культуре – только вторичность и полное отсутствие всяческой самобытности» [10, с. 159].

Был и другой взгляд на Россию и русских. Так, например, писатель, журналист и переводчик С. Самули (настоящее имя – Карло Кусто Самули Суомалайнен) в 1878 г. опубликовал два выпуска очерков “Wenaja” – «Россия». Он показал, что русские – не враги, а друзья, люди с нелегкой судьбой – и при этом сильные, талантливые, добрые. Он изобразил Петербург и описал столичную роскошь, красоту, великолепие дворцов и соборов. Однако главное внимание в очерках было уделено народной жизни, сельскому быту, нравам и обычаям русских, украинских, белорусских крестьян. Автор рассказал о бурлаках на Волге, привел ямщицкие и другие народные песни. Эти очерки тепло встретили финские читатели и критики, которые отметили, что в Финляндии и до Суомалайнена в какой-то мере знали Россию, но это было лишь поверхностное знание – без проникновения в сердце русского народа. Он же описал Россию изнутри, и в этом заключалась его главная заслуга [10, с. 163].

Братья Ярнефельты (Арвид, Эеро и Армас), оставившие яркий след в финской культуре, не только прекрасно знали Россию и ее культуру, но и с симпатией относились к ней. Их мать Элизабет, урожденная Клодт-фон Юргенсбург, первой познакомила группу финских писателей с творчеством ведущих русских писателей XIX века. После перевода на финский язык их произведений в среде творческой интеллигенции Финляндии возникли бурные дискуссии. Спорили, например, о том, как могут финны понимать ключевые типажи русского реализма – убийца (как Раскольников) и лентяев (как Обломов). Арвид Ярнефельт являлся учеником Льва Толстого, и образ России во многом сложился под влиянием воззрений великого писателя, критически относящегося ко многим явлениям русской жизни. В «Письмах из России» Ярнефельт обращал внимание на социальные контрасты, существующие в России. Характерны зарисовки русских столиц – Москвы и Петербурга. Москва предстает в них как огромный мегаполис, поражающий величием роскоши и безмерностью нищеты. Ав-

тор описывает не только сокровища дворцов и соборов, богатство зданий, ослепительные кареты, но и «окраины, где бредут изнуренные голодом, одетые в лохмотья люди: они ищут в Москве работу, но к ним белокаменный город также холоден, как и золото его соборов» [11, с. 437].

В XX веке маятник отношения финнов к России качался по траектории от ненависти к доброжелательности и обратно – от притяжения к отрицанию.

Профессор литературы Пекка Песонен в статье «Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе» анализирует произведения финских писателей XX века, которые писали о России. В романах и повестях И. Кианто, П. Ринтала, Л. Хирвисаари, Э.-К. Аронен и др. представлены разные аспекты взаимоотношений России и Финляндии, в частности, в контексте тяжелого для обеих стран XX века; оценивается эпоха большевизма, сталинские репрессии по отношению к финнам, уехавшим в Советский Союз; идея построения справедливого социалистического общества и пр. При широких обобщениях финские писатели скрупулезно воссоздают бытовые мелочи, характеризующие далекую от европейских стандартов российскую действительность.

Из статьи П. Песонена [12] можно понять, что образ России и русских при всем остроумии или, наоборот, строгой научности финских авторов во многом остается клишированным, стереотипным. Автор упоминает о том, что Россия часто предстает местом действия в финских детективах, где образ русских особенно примитивен: в криминальных романах действуют мафиози, наркоторговцы, сутенеры разных уровней, проститутки и другие криминальные элементы. Симптоматичен итоговый вывод П. Песонена: «Россия как культурное пространство в финской литературе имеет свою специфику. Она является одновременно знакомым и незнакомым, своим и чужим. Писатели, отталкиваясь от традиционно дуалистического образа России, осваивают «чужое» и познают «свое»» [12].

Интересные наблюдения о современных русских собраны финской журналисткой Ан-

ной-Леной Лаурен [13]. В поле зрения журналистки попали и национальные русские блюда, и священное отношение к празднованию Дня Победы, и несовершенства российского сервиса. В частности, многие наблюдения касаются гендерных различий в России и Финляндии. По мнению автора, «в России избыток красивых, хорошо образованных, компетентных женщин – и недостаток непьющих работающих мужчин» [13].

А. Лаурен подчеркивает женственность в имидже русских женщин, сравнивая их с финками: «Русские женщины одеваются женственно, двигаются женственно, разговаривают женственно. Чаще всего – но не всегда – они делают это совершенно бессознательно, это некое требование общества к ним. Все их существо дышит иной чувственностью, нежели моя и моих финских сестер по полу. Мы то практически родились в резиновых сапогах» [13].

Что касается русских мужчин, то автор полагает, что они являются большими джентльменами, чем ее соотечественники: «На отпуске в Финляндии меня безмерно раздражают эти до ужаса неотесанные и невнимательные финские мужчины, которые в поезде предоставляют мне самостоятельно заталкивать тяжелые сумки на полку. В России такое просто невозможно – какой-нибудь верный долгу джентльмен всегда поспешит на помощь. И такое поведение вовсе не считается рыцарским – это нечто само собой разумеющееся, как и то, что дети и подростки уступают пожилым людям место в автобусе. Социальные коды очень сильны, и иностранец так быстро привыкает к ним, что начинает воспринимать жителей Скандинавии чуть ли не как варваров» [13]. Автор приходит к закономерному выводу о том, что «одно, по крайней мере, является фактом: Россия не такая, как мы. Россия никогда не станет такой, как мы. И наши попытки понять Россию исключительно с нашей западной точки зрения никуда нас не приведут» [13].

Рассмотрим образ Финляндии и финнов в русской интерпретации. Начнем с А. С. Пушкина. Всем известны слова Пушкина о финнах из поэмы «Медный всадник»: «печаль-

ный пасынок природы» и «убогий чухонец». Финн здесь – это не гражданин княжества Финляндского, не просвещенный европеец, живущий в ее западной части, а простой крестьянин – рыбак, исторически связанный с территорией Карельского перешейка и нынешней Ленинградской области и занимающийся тяжелым трудом в суровых природных условиях. К тому же Пушкин называет финна по-народному, пренебрежительно – «чухонец». «Чухной» называли представителей разных племен (главным образом, племена «чудь»), издавна населяющих Ижорскую землю.

В стихотворении «Памятник», давая оценку своему поэтическому труду, Пушкин упоминает те языки, на которых его имя будет произнесено: «... и назовет меня, всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык». Положение «финна» между «гордым внуком славян» и «диким тунгусом» иерархично: внук славян назван гордым и стоит на первом месте, финн упоминается после него, и это констатация того, что финны, так сказать, юридически включены в общее российское пространство. Кроме того, финн, как и «дикий тунгус» и «друг степей калмык», узнавая имя Пушкина, приобщается через великого поэта к русскому языку, к русской и мировой культуре и тем самым облагораживается, наделяется другой судьбой.

Огромное число выдающихся россиян – деятелей науки, культуры, политики, медицины и т. д. – посещали Финляндию, имели на ее территории усадьбы, дачи. Стране Суоми посвящены произведения Е. Баратынского, В. Соловьева, О. Манделштама, В. Брюсова, А. Ахматовой и многих других русских, а затем и советских поэтов.

Виктор Кривулин в «Стихах к пограничной провинции», под которыми стоит символично 1999 год (конец XX века и подведение итогов двух столетий русско-финских отношений), обобщает значение Финляндии для русской поэзии и, в частности, выделяет два мотива в отношении русских поэтов (русской интеллигенции) к северной соседке: «Меланхолия русских поэтов / находила себе только

здесь / настоящий приют» и «Отсюда видно иначе / все что с нами случилось / наша не-свобода / наше безволие / наша любовь» [14].

Путешествие в Выборг, поездки по Сайменскому каналу, паломничество к водопаду Иматра, проживание на дачах в Финляндии – все это являлось частью культурной жизни представителей высшего общества, интеллигенции России.

В 1886 году М. Е. Салтыков-Щедрин провёл лето в Финляндии, в деревне Кирстиньяля (сейчас поселок Тарасово Выборгского района Ленинградской области). В дневнике он описывает простых финнов, крестьян, отмечая в них такие хорошие качества: «Народ трудолюбив и любит страстно свою землю. Работает неутомимо, хотя частые непогоды мешают земледельческому труду». Однако писатель видит и отрицательные свойства финнов: «О честности финской составила провербиальная репутация, но нынче и в ней стали сомневаться. По крайней мере, русских пионеров они обманывают охотно, а нередко даже и поворовывают. В петербургских процессах о воровствах слишком часто стали попадать финские имена – стало быть, способность есть...»

Есть у финнов и способность к пьянству, хотя вина здесь совсем нет, за редким исключением корчемства, строго преследуемого. Но, дорвавшись до Петербурга, финн напиивается до самозабвения, теряет деньги, лошадей, сбрую и возвращается домой гол как сокол».

На вопрос, талантливы ли финны, Салтыков-Щедрин отвечает так: «Кажется, скорее, что нет, потому что у громадного большинства их вы видите в золотушных глазах только недоумение. Да и о выдающихся людях не слыхать. Если бы что-нибудь было в запасе, все-таки кто-нибудь да создал бы себе известность».

Далее Салтыков-Щедрин пишет о народных песнях финнов: «О финских песнях знаю мало. Мальчишки-пастухи что-то поют, но тоскливое и все на один и тот же мотив. Может быть, это такие же песни, как у их соплеменников, вотяков, которые, увидев забор, поют

(вотяки, по крайней мере, русским языком щеголяют): «Ах, забёр!», увидав корову – поют: «Ах, корова!» Впрочем, одну финскую песнь мне перевели. Вот она:

*Давидовой корове бог послал теленка,
Ах, теленка!*

*А на другой год она принесла другого
теленка,*

Ах, другого!

*А на третий год принесла третьего
теленка,*

Ах, третьего!

*Когда принесла трех телят, то пастор
узнал об этом,*

Ах, узнал!

*И сказал Давиду: ты, Давид, забыл
своего пастора,*

Ах, забыл!

*И за это увел к себе самого большого
теленка,*

Ах, самого большого!

*А Давид остался только с двумя
телятами,*

Ах, с двумя!

Я, впрочем, не ручаюсь за верность перевода. Может быть, даже самый текст вымышлен, но, во всяком случае, он близок к «перлу создания» и характеризует роль, которую играют здесь пасторы. О науке финской я ничего не знаю; ей отгорожено место в Гельсингфорсе, а что она там делает – неизвестно» [15, с. 66–70].

Великий сатирик, Салтыков-Щедрин остался верен себе и при описании Финляндии. Объективен ли его взгляд? Нет, хотя бы потому, что серьезным изучением финской жизни и финской культуры он не занимался. При этом, безусловно, основные этностереотипы, бытующие и в наши дни в оценке русскими финнов, он зафиксировал.

Статус Финляндии как европейской страны, население которой не может и не должно жить так дико, как живет остальная Россия, остается незыблемым и в начале XX века. Российская элита этого периода любила Финляндию как кусочек Европы у себя под боком и как оплот борьбы с царским режимом. О

Финляндии оставили свои заметки М. Горький, Л. Андреев, А. Куприн и др.

Обратимся к очерку А.И. Куприна 1908 года «Немножко Финляндии». Написанный в эпоху некоторого потепления русско-финских отношений, резко обострившихся в начале 1900-х годов после неприятных для финнов преобразований, принятых генерал-губернатором Финляндии Н. И. Бобриковым (и убитым финским националистом), этот очерк можно назвать гимном финскому народу и Финляндии как передовой европейской стране. Куприн с восторгом отмечает, как бы сказали сегодня, здоровый образ жизни финнов, их увлечение спортом, чистоту городов и общественных мест, уважение к детям и прекрасное оснащение финских школ. Отмечает писатель и творчество финских художников, «у которых не грех поучиться европейским мастерам».

Настоящий восторг у Куприна вызывает высокая бытовая культура, проявляющаяся, в частности, в организации мест питания. По Куприну, жизнь в Финляндии – это тот ориентир, на который должна равняться остальная Россия. В очерке Куприн дает портреты финки и финна: «Чистокровные финки, увы, некрасивы... Тела нескладные, с короткими ногами, с квадратной сутулой спиной, шея ушла внутрь между плеч, лица широкоскульные, рты бесформенные, веснушки, аляповатые носы, рыже-бурые, жидкие волосы». Описание некрасивых финок Куприн тут же смягчает сравнением их с некрасивыми же, по его мнению, соотечественницами: «Но что уж греха таить: совершенно такого же характера красота и великорусских женщин, за исключением разве Поволжья». У финских мужчин, указывает Куприн, «корявые, некрасивые черты», «выдавшиеся скулы», «сжатые молчаливые губы подковой», «глубоко сидящие, маленькие, голубые холодные глаза, резкие полосы морщин вокруг рта и носа, упрямые сильные бритые подбородки». Этот облик – результат истории борьбы финнов с завоеваниями суровой природы. Куприн делает вывод: «Финны – это настоящий, крепкий, медлительный, серьезный мужицкий народ» [16, с. 59–64]. И, как это свойственно

русскому интеллигенту и в его время, и в наши дни, Куприн стыдится тех соотечественников, которые нагло, варварски ведут себя в гостях у финнов.

А вот взгляд из середины XX века Анны Ахматовой, любившей отдыхать на Карельском перешейке в поселке Комарово (финское название Келломяки). В стихах, написанных там в 1964 г., она так говорит о Финляндии:

*Запад клеветал и сам не верил,
И роскошно предавал Восток.
Юг мне воздух очень скупно мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер дул в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душевной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»*

Финляндия – да, «железная Суоми», но все-таки «старый друг», «верный Север», пространство пусть без радости, но все же пригодное для жизни, в отличие от родной страны.

Таким образом, проанализировав очень небольшую часть текстов, содержащих описание Финляндии и финнов, можно сделать вывод о том, что в сознании русских писателей и поэтов Финляндия предстает как свободная европейская страна, живущая по правильным демократическим стандартам. Это страна с суровым климатом, но при этом благоустроенная, пригодная для комфортного проживания и качественного отдыха. Стереотипными для русских литераторов при описании Финляндии являются такие оценочные категории, как чистота, уют, простота, тишина, безмолвие, молчаливость, меланхолия. Финны трудолюбивы, свобододолюбивы, чистоплотны, некрасивы, склонны к пьянству, молчаливы и суровы.

В ноябре 1916 года в письме к Аксели Галлен-Каллела, известному финскому художнику, М. Горький писал: «Я думаю, что все люди в детстве должны получить возмож-

ность взаимного знакомства с душами всех наций, всех народов, которые живут на земле. И, может быть, став взрослыми, они не будут очень враждебны к другим народам. Будут относиться к ним с большей симпатией и не будут лишать их свободы. Я хочу, чтобы человечество стало более честным и просвещенным» [17, с. 88].

Знакомство с литературными и фольклорными текстами разных народов, содержащими образ России и россиян, а также с произведениями русской литературы, рисующими образ других стран и народов, плодотворно способствует истинному просвещению и образованию людей, установлению хороших партнерских контактов между представителями разных стран и народов, ведет к созданию более безопасного мира.

Изучение таких текстов формирует у студентов-филологов межкультурную компетентность и является важной компонентой в осуществлении успешной межкультурной коммуникации.

Использование содержательного потенциала имагологических текстов помогает современному студенту-филологу:

- постигать образ России и русского человека в иностранной литературе (в данном случае – финской) для осмысления этностереотипов для того, чтобы преодолевать их и закладывать в процессе коммуникации новое, современное представление о России и русских;

- быть готовыми к встрече с проявлениями тех национальных клише о России и русских, которые сформировались у представителей других народов;

- выявлять этностереотипы при анализе текстов литературы и фольклора;

- видеть многообразие «ракурсов» при взгляде представителей других народов на Россию и русских;

- соотносить литературное произведение с историческим периодом, в которое оно было создано, с тем, чтобы уметь проследить причины и логику формирования, закрепления и изменения образа своего народа в сознании другого;

- созавать конфликт интерпретаций: между современным «имиджем» России и рус-

ских в СМИ и представлениями о них, зафиксированных классической литературой;

- взглянуть на себя и свою страну через «оптику» другого – для более глубокого понимания своей культурной самобытности;

- использовать накопленные знания в практике общения с представителями других народов для установления, поддержания и развития современного культурного диалога;

- познавать многообразие мира и сложность человека.

Таким образом, имагологическое содержание как составляющая содержания обучения, например, межкультурной коммуникации является, на наш взгляд, важной составляющей в профессиональном обучении студентов-филологов.

Основные идеи данной работы обладают новизной и актуальностью для обучения студентов-филологов межкультурной коммуникации. Однако, на наш взгляд, эти идеи могут быть адаптированы и эффективно использованы, например, при обучении социальной коммуникации [3; 6], а также для формирования коммуникативной и межкультурной компетентности в контексте профессиональной подготовки и других современных специалистов гуманитарного профиля [1; 2; 4; 18; 19; 20; 21]. Кроме этого, на основе использования этнотекстов, можно предложить расширить методику работы с текстами за счет внедрения мультимедиа ресурсов и технологий [22; 23; 24]. Реализовать это возможно, например, используя фрагменты из фильмов и специфические интерактивные экспонаты в специализированных музеях [22; 24; 25], иллюстрирующих культурные особенности того или иного народа и способствующие профессиональной подготовке в области межкультурной коммуникации.

АННОТАЦИЯ

В статье актуализируется использование литературной имагологии в профессиональной подготовке студентов-филологов. На примере представления России и русских в финском фольклоре, литературе и публицистике авторы показывают, как имагологическое содержание можно использовать в контексте

обучения межкультурной коммуникации. Авторы полагают, что использование имагологического литературного содержания в обучении студентов-филологов не только поможет осмыслить образ «другого» и познакомиться с этностереотипами из литературных источников, но и будет способствовать развитию и формированию межкультурной компетенции обучаемых в контексте обучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: имагология, этностереотип, межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, интерес к России, изображение России и русских, русско-финские литературные связи, двойственное отношение, обучение межкультурной коммуникации.

SUMMARY

The article updates literary imagology that's used in the professional training of students-philologists. The authors demonstrate how imagological content can be used in context with intercultural communication learning based on examples of how Russia and the Russians are visualised when presented in Finnish folklore, literature and journalism. The authors believe that using of imagological literary content in the training process of students-philologists will not only help to comprehend the image of the "other" and get acquainted with ethnic stereotypes from literary sources, but will also contribute to the development and formation of intercultural competence of students in the context of intercultural communication.

Key words: imagology, ethnic stereotype, intercultural competence, interest to Russia, image of Russia and the Russians, Russian-Finnish literary links, ambivalence, intercultural communication learning.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова И. В., Зентала Г., Ротмистрова О. В. Тенденции развития лингвистического образования в аспекте обучения русскому языку как иностранному / Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт: сб. матер. междунауч. конф. / под науч.

ред. М. П. Тыриной, Л. Г. Куликовой. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – С. 146–151.

2. Васильева Г. М., Харченкова Л. И. Основные направления формирования межкультурной компетенции студентов гуманитарных специальностей // Педагогический журнал. – 2012. – № 2–3. – С. 51–63.

3. Медянова П. В., Рыжова Н. И. Направления развития профессиональной подготовки специалистов туристической деятельности в условиях глобализации / Чрезвычайное законодательство и образование в условиях глобализации: сб. матер. Междунауч.-практич. конф., 28–29 мая 2014 г. / под ред. О. М. Латышева. – СПб.: Астерион; СПбУГПС МЧС России, 2014. – С. 175–178.

4. Харченкова Л. И., Рыжова Н. И. Профессиональная подготовка специалиста гуманитарного профиля в области межкультурной коммуникации: концепция фундаментализации обучения и структура содержания // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6–2. – С. 251–254.

5. Харченкова Л. И., Харченкова И. В. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов на основе креолизованных текстов / Чрезвычайное законодательство и образование в условиях глобализации: сб. матер. Междунауч.-практич. конф., 28–29 мая 2014 г. / под ред. О. М. Латышева. – СПб.: Астерион; СПбУГПС МЧС России, 2014. – С. 71–73.

6. Рыжова Н. И., Медянова П. В. Структура и компоненты языковой составляющей социально-коммуникативной компетентности специалиста туристической индустрии // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 8–12.

7. Папилова Е. В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.

8. Шашков Ю. А., Харченкова Л. И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков / Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сб. стат. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., Институт языкознания РАН, 1999. – С. 312–319.

9. Фомина З. Е. Немцы и русские в аспекте исторического и межкультурного взаимодействия // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения: XIII Межвуз. семинар по лингвострановедению. Москва, 16–17 июня 2015 г. / под общ. ред. Л. Г. Ведениной. – М: МГИМО–Университет, 2016. – С. 88–118.
10. Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. – Л., 1963. – 281 с.
11. Карху Э. Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. – Л.: Изд-во Наука, 1979. – 510 с.
12. Песонен П. Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе [Электронный ресурс]. – URL: https://ruthenia.ru/stud_russica_xii/pesonep.pdf (дата обращения: 28.04.2019).
13. Лаурен А.-Л. У них что-то с головой, у этих русских [Электронный ресурс]. – URL: <https://litresp.ru/kniga/ru/Л/lauren-annalena/u-nih-что-то-s-golovoj-u-etih-russkih> (дата обращения: 24.04.2019).
14. Кривулин В. Стихи к пограничной провинции [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.suomesta.ru/2014/12/05/russkie-stixi-o-finlyandii> (дата обращения: 07.05.2019).
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 10 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 9. – 289 с.
16. Куприн А. И. Немножко Финляндии: собр. соч.: в 9 т. – М., 1972. – Т. 5. – 213 с.
17. Горький М. Полное (академическое) собрание сочинений М. Горького. Письма: в 24 т. – М.: РАН и изд-во «Наука», 2006. – Т. 12. – С. 88.
18. Дорофеева М. Г. Южная Корея: традиции и новации // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных трудов. – СПб., Изд-во СПГУВК, 2012. – С. 133–140.
19. Межкультурная коммуникация в рекламе и связях с общественностью: опыт научной школы: монография / сост. Л. И. Харченкова, М. В. Лукьянчикова и др. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2016. – Вып. 68. – 222 с.
20. Дорофеева М. Г. Интерпретация кинофильма // Интерпретация текстов культуры: диалоги с искусством: учеб.-метод. пособие. – СПб., Изд-во «Свое издательство», 2017. – С. 189–201.
21. Непоклонова Е. О. Подготовка учащихся к лингвистическим олимпиадам как одна из составляющих современного профессионального стандарта педагога // Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: сб. науч. стат. – СПб., 2017. – С. 188–191.
22. Турунен Н., Дудина Г. О., Харченкова Л. И. Педагогические инновации в процессе обучения русскому языку как иностранному (на примере технологий музейной педагогики) / Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. М. П. Тыриной, Л. Г. Куликовой. – Барнаул, АлтГПУ, 2017. – С. 168–172.
23. Рыжова Н. И., Нуттунен Е. А. Технологии медиаобразования как средство формирования основ патриотической культуры младших школьников в условиях историко-литературного музея / Инновационные технологии в медиаобразовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 29–30 мая 2017 г. – СПб.: Изд-во СПбГИКиТ, 2017. – С. 157–166.
24. Дудина Г. О. Технологии музейной педагогики в формировании межкультурной компетенции иностранных учащихся / Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: материалы VI Межд. науч.-метод. конф. 2017 г. – СПб.: Изд-во Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 2017. – С. 286–289.
25. Дудина Г. О. Музейная педагогика как средство обучения русскому языку как иностранному (на примере моделирования виртуальной экскурсии по музеям Санкт-Петербурга) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. – URL: <http://www.scienceeducation.ru/article/view?id=27246> (дата обращения: 24.04.2019).

